

ВСТРЕЧА

ДЕД МОРОЗ С ПИСТОЛЕТОМ

Предновогоднее интервью нашего корреспондента Виктора ГРИГОРЬЕВА с одной из самых популярных актрис отечественной эстрады Кларой НОВИКОВОЙ.

-3 наете, Клара, в вас столько молодости и веселья, что мне всегда кажется — любимая ваша маска тети Сони старит вас.

— Президент мне тоже однажды сказал: «Тетя Соня, оказывается, вы молодая». Сказал, когда вручал мне звание заслуженной артистки. И вы знаете, в ту пору президента мы привыкли видеть суровым таким мужчиной, все время в борьбе какой-то, а вручая звание, он наклонился и поцеловал мне руку, что отметили все, потому что такого с ним на официальном приеме не бывало. Потом он уже целовал руку Тэтчер — после меня.

— То есть ваша рука может войти в историю политики?

— Возможно.

— У вас есть такой замечательный известный номер, его не раз показывали по телевидению, — когда вы со сцены вызываете мужчину из зала и укладываетесь как бы с ним...

— Что значит — укладываешься с ним?! Это он со мной укладывается.

— Извините. И вот при этом идет диалог. Становится сразу очевидно, что это абсолютно человек из зала. Какие, наверное, были у вас замечательные истории, ведь разные люди: кто-то стесняется, кто-то, наоборот, раскован...

— Обычно люди закомплексованные, зажатые начинают демонстрировать, как они раскованы. Это получается ужасно. Но в любом случае они к концу номера осваиваются, хотя вначале им страшно, когда зал смеется. Им кажется, что над ними. А в самом деле смеются над ситуацией. Мне помнится, в Уренгое один человек сидел в первом ряду, в свитере сидел такой большой дядя, большой, но

молодой. Вышел на сцену в свитерочке, такой скромный, в зале почему-то очень сильно засмеялись и обрадовались, что я вытащила именно его. Я поняла, известный в городе человек. Оказалось, какой-то крутой бизнесмен. Закончился концерт, он подошел ко мне с какой-то женщиной и сказал: «Клара, простите, я хотел бы вам показать шубы?». — «Конечно, да». — «Могли бы выбрать шубу?» Я решила, что он хочет выбрать шубу для этой женщины, с которой был. Он показал мне потрясающую коллекцию шуб. «А какая вам больше нравится?» Я тогда шла к цигейковым шубам, они, наверное, не самые дорогие, но они мне так понравились — яркие, пестрые. Он говорит: «Нет, нет, пойдемте туда, где подороже». Мы пошли туда, где подороже. Оказалась норка. И он попросил меня надеть какую-то, я надела. Он говорит: «Вам нравится?» — «Очень». — «Она ваша». Как мой? Я не умею принимать такие подарки. Вот что значит «уложить» нужного мужика.

— Как удачно вы его нашли в зале!

— Эту шубу я нашла до сих пор. У нее сиреневатый цвет, и Жванецкий, увидев ее, сказал: «Кларка, откуда у тебя злякавшаяся (испугавшаяся) норка?»

— Не боязно всегда одной быть перед залом?

— Наоборот. Для меня есть момент: вздох за кулисами и выход — всё. Я однажды видела Аркадия Райкина за кулисами — это был концерт, в котором я тоже принимала участие, — я видела большого Райкина: рядом стояла его костюмер с пузыречком, с какой-то чашечкой, и совершенно большой артист — даже страшно было думать, как он сейчас выйдет на сцену. Она ему накапала капелек, он залпом

Клара Новикова с мягким подарком

выпил, а в это время уже произносилось на сцене: «Народный артист Советского Союза, лауреат Государственной премии...» — все его регалии и титулы произнесли... И в момент, когда произнесли «Аркадий Райкин» и зал взорвался, на сцену выпорхнул красивый и молодой Аркадий Исакович. Я не знаю, что это такое происходит... Я даже не хочу знать, что это.

— Когда я слышу вашу «тетю Соню», мне кажется, что вы скопировали кого-то из близких: мама, может быть, бабушка, тетя...

— Такой «тети Сони» реальной, конечно, не было — я и говорю об этом со сцены. Это такая интонация детства. Эта интонация, в которой я выросла — и «тетя Соня», и мама, и мой пapa, и эти тети, которые были рядом, и папина тетя, к которой мы ходили смотреть первый телевизор с крохотным экраном, с линзой. Я когда приезжаю, то иду туда, где был «тот самый Киев». Я хожу только туда, где родилась, выросла, где бегала по улицам. И если там что-то меняется, меня это очень огорчает, потому что с каждым миллиметром что-то связано.

— Вы работаете в Театре Михаила Жванецкого. Но вместе с тем Михаил Михайлович для вас не пишет и не писал.

— Я когда-то что-то его исполняла — это было такое хорошее время. И это было больше, чем слова, это были вздохи. Это были междометия. Это был какой-то воздух, а не слова, написанные Михаил Михайловичем. Он умеет еще писать «воздух», и я вообще думаю, что это поэт. Мы хотим слышать шутку, остроумие его, афоризмы, а он поэт, поэтому у него рождаются шутки, афоризмы. Но на уровне поэтическом, а не вещественном.

— Вам никогда не хотелось играть в театре большом, драматическом, где на сцене вы не одна?

— Хотелось бы очень. Если бы мне предложили играть что-то... Когда-то я очень Петру Наумовичу Фоменко надоела этими стенаниями о том, что я хочу играть в театре. Он ответил: «Если ты оставишь эстраду навсегда, я подумаю, может быть, взять тебя, потому что это совершенно другой способ существования — театр». Я не могу оставить эстраду, не могу, потому что это как жить.

— Я не видел, чтобы вы работали в кино.

— Нет, просто не работаю. Никто не звал. Мне жаль тех режиссеров, которые меня не позвали сниматься в кино, — они потеряли, конечно, очень хорошую артистку! (Смеется.)

— Наступает великий Новый год. Как вы собираетесь его встречать? Есть ли у вас грандиозные планы, связанные с миллениумом, с наступающим тысячелетием? Вы что-то загадываете?

— Я человек настроения. Мы можем встретить дома все вместе, а потом вдруг у нас возникнет желание куда-то «залиться». Если новое тысячелетие начнется с того, что — по знакомым, по друзьям.. Я не знаю, будут ли рады наши даже старинные друзья, если вдруг в 4 часа ночи мы «зальемся» с бутылкой поздравлять друг друга с Новым годом. Я не уверена.

— Люди настолько меняются?

— Время меняется. Когда была маленькой дочь Маша, мы звали домой Деда Мороза. И мы так трепетно ждали. Мы не думали, что Дед Мороз может прийти с пистолетом. А сегодня кто знает, с чем может войти в дом Дед Мороз?